

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'37

В.В. Диденко

ФРЕЙМ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ МИГРАЦИОННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ФРЕЙМОВЫЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Исследование выполнено при поддержке гранта «Wladimir-Admoni-Programm für Sprach- und Sprechwissenschaft, gefördert vom DAAD aus Mitteln des Auswärtigen Amts (AA)».

Исследование выполнено в русле фреймовой и дискурсивной семантики. Целью являются выявление и анализ элементов фрейма «толерантность» в русском и немецком миграционном медиадискурсе. Рассмотрение заданных значений фрейма дает доступ к дискурсивным стратегиям изучаемого дискурса. Кроме того, используемые методы позволяют выделить аспекты значения фрейма и их коннотацию, что предоставляет обширный материал для сравнительно-сопоставительных исследований.

Ключевые слова: фрейм; дискурс-анализ; фреймовая семантика; дискурсивная семантика; толерантность; фреймовый анализ.

При обращении ко многим современным разработкам в области лингвистики не оставляет сомнения доминирующее положение когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигмы [1, 2]. Понятия «когниция», «когнитивный», «дискурс», «дискурсивный» (и сочетания с ними, например «когнитивные концепты», «дискурсивные механизмы») активно используются в исследованиях различной направленности. Однако же соотношение между когнитивной и дискурсивной составляющими в конкретных работах может различаться. Так, в одних исследованиях в центр ставятся пользователь языка и его когнитивные механизмы [3–6], а в других – дискурс с его стратегиями и правилами присоединения высказываний [8–12]. В настоящей работе мы уделяем особое внимание именно дискурсивной природе фрейма. Толерантность, рассматриваемая как фреймовая модель организации знания, является, таким образом, дискурсивным объектом, который обладает специфичной структурой в рассматриваемой части дискурса – медиадискурсе на тему миграции. Естественно, мы не отрицаем широкого спектра возможностей исследовать фрейм с когнитивной точки зрения, но на данный момент во избежание излишней методологической эклектики ограничиваемся именно дискурсивным аспектом.

Выбору фрейма «толерантность» как объекту исследования способствовали следующие факторы: 1) одно из центральных мест феномена толерантности во всех дискурсах, относящихся к сферам социального взаимодействия; 2) новый междисциплинарный интерес к данному феномену в контексте глобализации, распространения международного терроризма, кризиса беженцев в Европе, противостояния развитых и развивающихся стран; 3) толерантность как частый предмет научной рефлексии; проблематизация сложности и / или парадоксальности феномена толерантности. В связи с третьим пунктом интересно коснуться также некоторых современных философских концепций толерантности, выдвинутых российскими и западными учеными.

Настоящая работа является одной из частей более обширного исследования, посвященного актуализа-

ции фрейма «толерантность» и дискурсивных стратегий, с ним связанных, в трех национальных миграционных дискурсах: русском, американском и немецком. Сравнительно-сопоставительный анализ русского и американского миграционного медиадискурса выявил как сходства, так и различия в реализации фреймовых элементов изучаемого фрейма [13]. Результаты представленного здесь исследования, привлекающего немецкий медиадискурс, показывают, что на первый план выходят несколько иные аспекты для сравнения. К примеру, одной из основных дискурсивных стратегий как немецкого, так и русского дискурса является стратегия об ошибочности или переосмыслении толерантности (чего практически не наблюдается в американском медиадискурсе). Такая стратегия, очевидно, реализуется не только в медийном дискурсе, но и в других, например философском, политическом, социологическом. Так, в работах российских исследователей конца XX – начала XXI в. [14–16] часто поднимается тема сложности и противоречивости толерантности, которая требует принять то, что кажется субъекту заведомо ошибочным. Современный российский философ М.Б. Хомяков [16] обозначает как «внутренний парадокс толерантности» тот факт, что она заставляет считать некоторые представления абсолютно неверными, но в то же время принимать их на основании какого-то внутреннего блага. А.В. Перцев [15] называет толерантность не целью или одним из способов поведения, а промежуточным этапом на пути от конфликта к его разрешению и взаимопониманию. Иными словами, при характеристике толерантности часто фигурируют слова «сложность», «противоречивость», «внутренний парадокс».

В немецком философском дискурсе также обсуждаются противоречия, связанные с толерантностью, к примеру в работах немецкого философа Р. Форста [17], который выделяет четыре значения понятия «толерантность»:

1) толерантность как разрешение: группа, обладающая авторитетом, разрешает (допускает) меньшин-

ству жить в соответствии со своими убеждениями, пока они не ставят под вопрос авторитет большинства;

2) толерантность как сосуществование: прагматическое понимание толерантности как средства мирного соседства между группами, имеющими равное положение;

3) толерантность как уважение: толерантность понимается как морально обоснованная ценность двустороннего уважения;

4) толерантность как плюрализм ценностей: толерантность означает не только уважение к другим, но и принятие их убеждений и практик как этически ценных.

При анализе фрейма «толерантность» становится заметно, что такие тенденции философского дискурса находят свое отражение и в ненаучном, медийном дискурсе, что делает возможной гипотезу о существовании общих, принадлежащих вышестоящему дискурсу дискурсивных стратегий.

К вопросу о месте дискурсивной семантики среди наук о языке. В настоящее время взаимодействие когнитивного и дискурсивного подходов прочно утвердилось в семантических исследованиях. Как отмечают Д. Буссе, В. Тойберт и др. [8, 11, 12], дискурсивное направление в рамках лингвистической семантики имеет собственные методы, принципы и цели исследования. Под «значением» в дискурсивной семантике понимается все то, что говорится и было сказано в данном дискурсе о соответствующем дискурсивном объекте [8, 12]. В теоретическом и методологическом планах основополагающим является вопрос о природе дискурса. При всем разнообразии концепций современные лингвисты, работающие в области дискурсивной семантики [8–12], отталкиваются от понимания дискурса в духе французского постструктурализма (например, М. Фуко [18, 19] и Ж. Деррида [20, 21]). М. Фуко вводит понятие дискурса, будучи философом, и использует его как категорию теории познания, что становится возможным благодаря тому, что он добавляет в традиционную модель «язык и мышление» третий компонент – дискурс, который он ставит между ними [8, 18, 19].

В таких теоретических рамках **дискурсы** понимаются как системы формирования элементов знания, которые определяют условия возможности производства и включения в них определенных высказываний. Находясь между языком и мышлением, дискурсы обладают собственными дискурсивными стратегиями и механизмами, например механизмами присоединения высказываний, механизмами, побуждающими к производству дискурсивных событий, структурирующими системы формирования знания [8]. В данной работе понятие дискурсивных стратегий используется в качестве центрального. По определению М. Фуко, **дискурсивные стратегии** должны быть описаны как систематически различные способы обозначать, ограничивать, формулировать дискурсивные объекты, предоставлять для этого языковые выражения и понятия. Эти способы не предопределены дискурсом изначально, но являются регулярностями применения дискурсивных возможностей. Они формируются посредством частотности встречаемости дискурсивных единиц, и их возможно проследить через все отдельные высказывания и тексты [18, 22].

Такое понимание дискурса наиболее целесообразно для решения задач настоящего исследования, рассматривающего формирование абстрактного фрейма в медиадискурсе. Нашей целью являются анализ и представление значения дискурсивного объекта «толерантность» в виде фреймовой структуры, которая будет соответствовать тому, что было сказано о данном объекте в конкретном дискурсе в конкретный период времени.

Фрейм как дискурсивный объект. Вслед за Й. Шарлотом, Д. Ойгстером и Н. Бубенхофером [11], а также во многом Д. Буссе [8], мы рассматриваем фрейм как смысловой шаблон, в котором устанавливается связь между определениями проблем, смысловыми последовательностями, объяснениями, ценностными ориентациями для трактовки событий, высказывания критики и требований легитимирования той или иной практики [11]. Именно такое понимание наиболее релевантно при изучении роли СМИ в формировании фреймов в рамках политических и социальных значимых событий и определения дискурсивных стратегий медиадискурса.

Данная **модель фрейма** понимается в виде структуры организации знаний, в которой вокруг структурного ядра, также называемого «референтным объектом фрейма», сгруппировано определенное количество элементов знания, которые именно в этой перспективе выступают как фреймообразующие фреймовые элементы. Референтный объект фрейма соотносится не с объектом реального мира, а с дискурсивным объектом. Элементы знания, сгруппированные вокруг референтного объекта фрейма, не являются величинами, полностью заполненными конкретной информацией, а выступают как элементы для заполнения (**слоты**), которые при актуализации фрейма заполняются **конкретными наполнителями**. К таким актуализациям относятся все случаи вербализации, при которых с помощью языкового знака или целых языковых выражений актуализируется либо фрейм полностью, либо какая-то его часть (отсылающая к фрейму целиком). Наиболее частотные конкретные наполнители впоследствии переходят в **заданные значения** фрейма, которые больше не нуждаются в эксплицитной актуализации. Любая реализация конкретного наполнителя фрейма связана с той или иной дискурсивной стратегией.

Открытый корпус как материал исследования. В данном исследовании мы различаем онтологическое понятие дискурса, о котором идет речь выше, и рабочее понимание дискурса как исследовательского корпуса. М. Фуко, давая определение дискурсу, который стоит между языком и мышлением и соотносится с общественными практиками определенной общности, отмечает невозможность ученого охватить его во всем объеме. Поэтому он выделяет отдельные части дискурса – основные труды Фуко касаются медицинского, экономического, юридического, естественнонаучного видов дискурса [22–24]. Хотя такое разделение единого дискурса на отдельные части Фуко и называет искусственным ограничением, оно представляет единственную возможность получить эмпирический доступ к дискурсивным элементам и стратегиям.

Наше **рабочее определение дискурса** как корпуса текстов сформировано на основе данной концепции М. Фуко, а также трудов более современных исследователей – А. Цима [10] и Д. Буссе [8]: дискурс – это виртуальная совокупность тематически связанных текстов, образующих функциональное единство, в которых слоты исследуемого фрейма заполняются конкретными наполнителями. Практическую проблему при этом представляет причисление того или иного текста к данному дискурсу. Буссе и Цим предлагают руководствоваться в этом случае критерием семантических отношений между текстами, т.е. определять, состоят ли между ними коммуникативные, функциональные или другие связи. Таким образом, совокупности текстов, выступающие предметом анализа, обозначаются как «открытые корпуса» ([10], перевод мой. – В.Д.), так как практически в каждом отдельном случае зачастую сложно судить о релевантности текста. Строго говоря, возникновение дискурса всегда является незавершенным процессом, так как каждый новый текст создает новые интертекстуальные связи. Поэтому указанные авторы склоняются к пониманию дискурсов не как объективно существующих совокупностей, а, скорее, как исследовательских конструкторов. Из этого следует, что оценивание релевантности текста и выборки текстов для исследовательского материала может происходить на основании интерпретации и понимания самого исследователя. В нашем случае в качестве основного критерия принимается актуализация в тексте исследуемого фрейма или его части.

Исследовательский корпус, используемый в настоящей работе, состоит из медиатекстов следующих печатных газет:

- русских «Аргументы и факты» (АиФ), «Российская газета» (РГ) и «Московский комсомолец» (МК) (65 статей);

- немецких «Die Tageszeitung» (taz) и «Die Süd-deutsche Zeitung» (SZ) (75 статей).

Причинами такого выбора послужили следующие факторы:

- наличие электронных архивов в открытом доступе (или при подписке);

- различный тип газет в рамках одной страны (по географическому, политическому признакам, по регулярности выхода и тиражу) – для определения общих дискурсивных стратегий;

- уровень подачи информации (большинство статей в каждой из газет не относится к «желтой» прессе).

Выборка статей ограничена репортажами и комментариями.

Временной отрезок выборки составляет 10 месяцев – с 1 января по 15 ноября 2016 г. Мы ориентировались на общее количество по 70 статей, однако, вследствие разного уровня освещенности темы, их количество немного варьирует. Из-за отличия количества статей в рамках заданной темы было принято решение использовать три русских газеты вместо двух. Такая разница может объясняться не столько неактуальностью темы в русском медиадискурсе, сколько чисто техническими причинами – объем (количество страниц и формат) российских газет меньше, чем немецких. Эта и другая информация указана в характеристиках ниже.

АиФ. Российская общественно-политическая еженедельная газета, издается с 1978 г. По политической направленности – независимая. Общий тираж – 1 416 625 экз. (на 5–11 июля 2017 г.). Объем – 32 стр. Формат страниц А2. Веб-сайт: aif.ru. На сайте имеется в свободном доступе архив номеров начиная с 1983 г.

МК. Российская общественно-политическая ежедневная газета, издается с 1919 г. По политической направленности – независимая, с либеральным уклоном. Общий тираж – 1 927 315 экз. (на июль 2017 г.). Объем – 8 стр. Формат страниц А2. Веб-сайт: mk.ru. На сайте имеется архив номеров с 1995 г. в свободном доступе.

РГ. Российская ежедневная газета, официальный печатный орган Правительства Российской Федерации, издается с 1990 г. Консервативный политический уклон. Общий тираж – 166 675 экз. Формат страниц А2. Веб-сайт: rg.ru. На сайте имеется архив номеров за все время в свободном доступе.

SZ. Немецкая ежедневная газета, издается с 1945 г. Политический уклон – левоцентристский. Общий тираж – 392 204 экз. (на октябрь 2015 г.). Объем – 38 стр. Нордический формат (570 × 400 мм). Веб-сайт: sueddeutsche.de. На сайте имеется архив номеров за все время при наличии платной подписки.

taz. Немецкая ежедневная газета, издается с 1978 г. С либеральным политическим уклоном. За последний квартал 2016 г. продано 50 986 экз. Объем – 24 стр. Формат 470 × 300 мм. Веб-сайт: taz.de. На сайте имеется архив номеров за последние 12 месяцев в свободном доступе.

Рассматривая официальный медиадискурс в общем виде и обращаясь к основным дискурсивным стратегиям, мы предполагаем, что отсутствие газет непредставленных политических направлений радикально не повлияет на результаты исследования. Для проверки данной гипотезы мы проводим выборочный анализ, задействуя материал из газет иного политического толка. Такая проверка включает ограниченное количество статей – за 2–3 месяца 2016 г. Для выборочного анализа мы отобрали следующие газеты:

«**Правда**»: ежедневная российская газета, издается Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ); коммунистическая направленность;

«**Frankfurter Allgemeine Zeitung**» (FAZ): немецкая ежедневная газета, издается в г. Франкфурт-на-Майне; правоконсервативного толка.

Алгоритм фреймового и дискурсивного анализа. Для достижения целей данного исследования фреймовый анализ предшествует дискурсивному, хотя на всех этапах первого учитываются дискурсивная природа фрейма и специфика рассматриваемого дискурса. Таким образом, отдельные этапы эмпирического исследования следующие: 1) разработка структуры матричного фрейма; 2) выявление конкретных наполнителей и их соотношение со слотами матричного фрейма; 3) количественный анализ конкретных наполнителей, выявление заданных значений фрейма; 4) анализ имплицитных видов предикаций и выявление дискурсивных стратегий. Далее проиллюстрируем данные этапы примерами, останавливаясь более подробно на последних двух.

Структура матричного фрейма «толерантность». Методика разработки структуры матричного

фрейма подробно освещается в одной из статей автора [25]. Отметим, что матричные фреймы являются аналитическими абстрактными конструкциями из слотов, которые используются для дальнейших целей исследования. В ходе предыдущего анализа мы разработали структуру матричного фрейма «толерантность», состоящую из 14 слотов:

- 1) мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма;
- 2) цели, роли, функции референтного объекта фрейма;
- 3) вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых референтный объект фрейма играет роль;
- 4) фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма;
- 5) длительность, время протекания референтного объекта фрейма;
- 6) участники, задействованные единицы (субъекты и объекты);
- 7) роли, особенности и состояния участников;
- 8) средства, стратегии, тактики субъекта по отношению к объектам;
- 9) способности субъекта;
- 10) ошибки при совершении действия и их последствия;
- 11) исправление ошибок;
- 12) последствия для субъектов и объектов;
- 13) сходные референтные объекты, их отличия и общие категории;
- 14) другие названия референтного объекта фрейма.

Конкретные наполнители фрейма. При выявлении конкретных наполнителей фрейма мы пользуемся терминами А. Цима «эксплицитные и квазиэксплицитные предикации» [10, 13]. Эксплицитные предикации реализуются по схеме «Х (референтный объект фрейма / части фрейма) + личный глагол (+ дополнение)». Иначе говоря, в эксплицитных предикациях референтный объект фрейма (или его части) всегда стоит на месте подлежащего, например:

(1) Однако европейская **толерантность** и рассуждения о мультикультурализме возможны, только когда в обществе есть ощущение **гарантированной безопасности и благополучия** (АиФ. 23.03.2016).

В примере (1) референтный объект фрейма выражается лексемой «толерантность» и занимает место подлежащего. Конкретный наполнитель выражен сказуемым и подчинительным предложением: «[...] воз-

можны, только когда в обществе есть ощущение гарантированной безопасности и благополучия». В данном случае он заполняет слот «мотивы, предпосылки, условия возникновения». В этом можно убедиться, выразив валентный слот в форме вопросов «Когда возможна толерантность? / Каковы предпосылки толерантности?»

В квазиэксплицитных предикациях референтный объект фрейма сам является дополнением или выражен в подчинительном предложении, либо он занимает место подлежащего, но конкретный наполнитель реализуется прилагательным, как в примере (1) – «европейская толерантность». В данном случае для выявления конкретных наполнителей необходимо переформулировать квазиэксплицитные предикации в эксплицитные, перемещая референтный объект фрейма на место подлежащего и связывая с ним конкретный наполнитель личным глаголом: «европейская толерантность» – «толерантность *является* европейской».

В этом случае конкретный наполнитель заполнит слот «фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма».

Все выявленные указанными способами конкретные наполнители соотносятся с соответствующими слотами и распределяются (где это возможно) по тематическим группам, озаглавленным гиперонимами. В табл. 1–4 представлены самые частотные тематические группы конкретных наполнителей в русском и немецком медиадискурсе. Те слоты, которые получают малое количество наполнителей, в таблицах не приводятся. В круглых скобках указано количество конкретных наполнителей, входящих в каждую тематическую группу.

При сопоставлении табл. 1, 2 можно заметить, что большинство слотов в русском медиадискурсе получает примерно одинаковое количество наполнителей независимо от рассматриваемых СМИ. Резкое отклонение проявляется в случае слота «длительность, время протекания», который можно отнести к одной из особенностей источника выборочного анализа за счет частоты тематизации наличия толерантности во времена СССР (или в настоящее время в социалистических странах) и ее отсутствия в настоящее время в России (и других капиталистических странах). За исключением данного слота, если сопоставить наиболее частотные тематические группы конкретных наполнителей, наблюдается большое количество качественных сходств.

Т а б л и ц а 1

Конкретные наполнители фрейма в русском медиадискурсе (основной материал)

Слоты	Конкретные наполнители
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма	1) роль власти, политики (20); 2) стабильность, уровень жизни (9)
2. Цели, роли, функции референтного объекта фрейма	1) противодействие национализму / экстремизму (10)
3. Вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых референтный объект фрейма играет роль	1) проблемы (связанные с миграцией) (11); 2) религия (ислам и православие) (7)
4. Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма	1) (меж)национальная (10); 2) (меж)религиозная (9)
5. Длительность, время протекания	1. традиция (7)
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	Субъекты и объекты: 1) связанные с национальностью (12); 2) связанные с религией (8). Объекты: 1) мигранты (19). Субъекты: 1) мы (7); 2) русские (8); 3) отдельные лица (7); 4) регионы России (10)

Слоты	Конкретные наполнители
7. Роли, особенности и состояния участников	Объекты: 1) совершают преступления (28); 2) у них тяжелая жизнь (11); 3) проявляют «другие» обычаи (11). Субъекты: 1) неприязнь, раздражение, недовольство (9); 2) страхи (7)
8. Средства, стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту	1) обучение, организация семинаров (17); 2) контроль (11)
10. Ошибки при совершении действия и их последствия	1) отменить ограничительные меры, смягчить правила (8); 2) безропотность, наивность, романтизм (7). Последствия: 1) преступления со стороны беженцев (9)
11. Исправление ошибок	1) жесткие меры, контроль (16)
13. Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории	1) мультикультурализм, (межнациональный) мир (9)

Таблица 2

Конкретные наполнители фрейма в русском медиадискурсе (выборочный анализ – «Правда»)

Слоты	Конкретные наполнители
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма	1) роль государства, партии (КПРФ) (6)
2. Цели, роли, функции референтного объекта фрейма	1) вывести страну из кризиса (4)
4. Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма	1) пролетарская (2)
5. Длительность, время протекания	1) во времена СССР (5); 2) нет в настоящее время (3)
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	Объекты: 1) связанные с национальностью (4) Субъекты: 1) мы (2); 2) коммунисты (2)
7. Роли, особенности и состояния участников	Объекты: 1) совершают преступления (нелегальные мигранты) (3); 2) у них тяжелая жизнь (2) Субъекты: 1) опыт жизни вместе разных национальностей (4)
8. Средства, стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту	1) привнесение идей коммунизма (2)
10. Ошибки при совершении действия. Их последствия	1) проявление толерантности к беженцам в Европе (4). Последствия: 1) терроризм и преступления (3)
11. Исправление ошибок	1) контроль (2)

Таблица 3

Конкретные наполнители фрейма в немецком медиадискурсе (основной материал)

Слоты	Конкретные наполнители
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма	1) Information / Aufklärung (10) / информация / просвещение; 2) der persönliche Kontakt zwischen Einwanderern und Einheimischen / das Kennenlernen (9) / личный контакт между мигрантами и местными / знакомство
2. Цели, роли, функции референтного объекта фрейма	1) resistenten gegen radikale Bewegungen sein (4) / быть более устойчивым против радикальных движений
3. Вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых референтный объект фрейма играет роль	1) Flüchtlingskrise (14) / кризис беженцев; 2) Integration (13) / интеграция; 3) politische / gesellschaftliche Debatten (9) / политические / общественные дебаты
4. Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма	1. religiös (7) / (меж)религиозная 2. gegenseitig (5) / двусторонняя
5. Длительность, время протекания	1. vor 20-30 Jahren (4) / 20-30 лет назад
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	Субъекты: 1) mit dem Beruf verbunden (10) / связанные с профессией; 2) wir (6) / мы; 3) Europa (6) / Европа Объекты: 1) Migranten (10) / мигранты; 2) mit der Religion verbunden (8) / связанные с религией; 3) Flüchtlinge (6) / беженцы
7. Роли, особенности и состояния участников	Субъекты: 1) Angst, Sorgen haben (19) / боятся, переживают; 2) unsicher sind (10) / не уверены; 3) Ärger haben (8) / злятся. Объекты: 1) fremde Kultur und Religion haben (29) / имеют чужую культуру и религию; 2) (versuchen) sich zu integrieren / anpassen (21) / (пытаются) интегрироваться / приспособиться; 3) studieren / arbeiten (wollen) (16) / (хотят) учиться / работать; 4) entwurzelte Menschen aus den Krisengebieten (15) / люди, вырванные из своих стран, где идет война; 5) kriminell, aggressiv (12) / криминальные, агрессивные
8. Средства, стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту	1) helfen / schützen / sich kümmern (18) / помогать / защищать / заботиться; 2) über Sprache und Bildung integrieren (13) / интегрировать через язык и образование
10. Ошибки при совершении действия и их последствия	1) Fremdenangst und -feindlichkeit (15) / ксенофобия, плохое отношение к «другим»; 2) Falschmeldungen über Migranten verbreiten (6) / распространение неверных сообщений о мигрантах. Последствия: 1) Anstieg rechter Gewalt / Rassismus (9) / расцвет правых движений / расизм
11. Исправление ошибок	1) Klarheit bringen, auf Fakten setzen (8) / внести ясность, основываться на фактах; 2) Migranten integrieren (7) / интегрировать мигрантов
13. Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории	1) Freiheit, Demokratie (7) / свобода, демократия; 2) Offenheit (7) / открытость

Конкретные наполнители фрейма в немецком медиадискурсе (выборочный анализ – «FAZ»)

Слоты	Конкретные наполнители
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма	1) Staat und Polizei / государство и полиция
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	Объекты: 1) Flüchtlinge (2) / беженцы; 2) Migranten (2) / мигранты. Субъекты: 1) Politiker (4) / политики
7. Роли, особенности и состояния участников	Объекты: 1) Werkzeug von Extremisten (2) / орудие экстремистов; 2) sind kriminell und aggressiv (3) / криминальные и агрессивные Субъекты: 1) Rechtsextremisten (4) / правые экстремисты; 2) Linksextremisten (2) / левые экстремисты
10. Ошибки при совершении действия и их последствия	1) wer Flüchtlinge so aufnimmt, wie das in Deutschland geschieht / кто принимает беженцев так, как это происходит в Германии
11. Исправление ошибок	2) mehr Kontrollen, mehr Polizei (3) / больше контроля, больше полиции
13. Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории	1) Mitmenschlichkeit (2) / человечность

На материале, приведенном в табл. 3, 4, заметно примерно равное распределение наполнителей также и в немецком медиадискурсе. Специфика наполнителей слота «участники» в газете «FAZ» объясняется частой реализацией фрейма в политическом контексте и, как следствие, в связи с политическими субъектами. При качественном сопоставлении также при большем количестве сходств отмечаются и различающиеся тематические группы (см. слоты «ошибки» и «исправление ошибок»).

Заданные значения фрейма и дискурсивные стратегии. На этапе выявления заданных значений фрейма на первый план выходит применение дискурсивного анализа, поэтому далее речь будет идти о совмещенных методах фреймовой и дискурсивной семантики.

Для выявления заданных значений А. Цим и Д. Буссе [8, 10] предлагают количественный анализ конкретных наполнителей – самые частотные из них и переходят в заданные значения фрейма. Так как последние могут выражаться в имплицитных предикациях – пресуппозициях и импликациях, то их анализ может быть использован в качестве проверки заданных значений, выявленных с помощью количественного анализа¹. В терминах дискурсивной семантики частотность реализации одних и тех же фреймовых элементов, их корреляция с аспектами значения референтного объекта фрейма и некоторыми контекстуальными факторами указывают на действие единой дискурсивной стратегии. Ниже приведем примеры некоторых выявленных дискурсивных стратегий рассматриваемых медиадискурсов. Их удастся обнаружить при сопоставлении русских и немецких тематических групп заданных значений, а также аспектов значения референтного объекта фрейма, выявленных при анализе философских концепций толерантности и обозначаемых нами как «допущение», «принятие», «уважение», «признание (чужого) как ценности» [17].

В русском медиадискурсе выделяется два субфрейма (частичных фрейма) «толерантность»: «русская толерантность» и «европейская толерантность». В связи с этим проявляются следующие дискурсивные стратегии:

1) субфрейм «русская толерантность» чаще всего эксплицитно актуализируется в контекстах, близких официальному стилю (имеется в виду уровень подачи информации в газетных сообщениях), со значением «принятие», «уважение»; коннотация положительная;

2) в менее официальных контекстах субфрейм «русская толерантность» имеет значение «допущение»; чаще всего коннотация отрицательная;

3) актуализации субфрейма «европейская толерантность» обнаружены в контекстах разного стиля, во всех из них со значением «допущение»; во всех случаях коннотация отрицательная.

Приведем примеры на каждый из случаев:

(1) *По словам Алексея Грибанова, сегодня в Перми существует вся необходимая нормативная и методическая база для формирования атмосферы добрососедства и толерантности* (РГ. 07.06.2016).

(2) *«А сейчас все больше пропагандируется понятие «толерантность», что означает терпимость к иному мировоззрению. Своими фильмами, в том числе и «Смоленской Швейцарией», я хочу сказать, что гораздо важнее взаимопонимание и взаимоуважение»* (МК. 30.09.2016).

(3) *Не только немецкие власти, но и значительная часть гражданского общества ФРГ заняли наиболее толерантную позицию в вопросах адаптации вновь прибывающих мигрантов, несмотря на то, что они криминализировали обстановку в стране и тем самым спровоцировали определенную напряженность в обществе, где явно усилились праворадикальные настроения* (РГ. 19.07.2016).

Отметим, что в примере (2) «толерантность» эксплицитно противопоставляется «(взаимо)пониманию» и «(взаимо)уважению».

В немецком медиадискурсе отдельные субфреймы четко не выявляются. Однако возможно проследить реализацию фрейма со всеми из представленных значений («уважение» и «признание как ценности» часто сложно отделить друг от друга). В ходе анализа удалось вывить следующие дискурсивные стратегии:

1) значение «допущение» реализуется реже остальных; встречается вместе с наполнителями тематической группы «относиться как к чему-то неприятному» слота «стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту», наполнителями тематических групп «fremde Kultur und Religion» / «чужая культура и религия», «kriminell, aggressiv» / «криминальные, агрессивные», «verachten die Frauen» / «презирают женщин» слота «роли, особенности, состояния объекта»; выделяется дискурсивная стратегия об ошибочности действующей тактики толерантности;

2) значение «принятие» реализуется вместе с наполнителями тематической группы «относиться к объекту как к жертве» слота «стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту», наполнителями тематических групп «*entwurzelte Menschen aus den Krisengebieten*» / «лишенные родины люди из военных регионов», «*haben Angst*» / «бояться», «*sind nicht so strenggläubig*» / «не такие религиозные», «*Familien, Frauen und Kinder*» / «семьи, женщины и дети» слота «роли, особенности, состояния объекта»; оценивается положительно, но при наличии аспекта «уважение» – отрицательно;

3) значения «уважение», «признание как ценности» противопоставляется двум предыдущим и реализуется вместе с наполнителями тематической группы «относиться к объекту как к равному» слота «стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту»; оценивается чаще положительно; возможно, является одним из вариантов новой тактики толерантности;

4) кроме перечисленных значений можно выделить еще одно – «открытость» / «*Offenheit*» или «свобода» / «*Freiheit*»; оно чаще всего реализуется вместе с наполнителями «*vor 20–30 Jahren*» / «20–30 лет назад» слота «длительность, время протекания» и «*Demokratie*» / «демократия» слота «сходные референтные объекты, их отличия и общие категории»; оценивается положительно (где можно выявить оценку).

На основе рассмотренного материала отмечается изменение коннотации фрейма с аспектом значения «принятие» с положительной на отрицательную. Это происходит обычно при его сопоставлении с другим аспектом значения – «уважение», с которым фрейм в этом случае оценивается положительно. Очевидно, это связано с дискурсивной стратегией переосмысления собственной (недавней) тактики толерантности и попытками ее переработать. Причем в основном материале вопрос о новой тактике остается открытым, что часто выражается риторическими вопросами, например,

(4) *Irgendwann an diesem Abend kam dieser Mann auf sie zu, der ihre Sprache nicht sprach. Er kam ihr näher, sie sagte nein. Er hörte nicht auf. [...] Wie das Problem lösen, ohne rassistisch zu wirken? (taz. 12.10.2016) / В какой-то момент в этот вечер к ней подошел мужчина, который не говорил на ее языке. Он подошел ближе, она сказала нет. Он не прекращал... Как решить проблему не проявляя при этом расизма?*

Если в основном материале переход от аспектов значения «допущение» и «принятие» к аспектам «уважение» и «признание как ценности» иногда эксплицируется как одна из возможных новых тактик толерантности (см. примеры (5) и (6)), в материале выборочного анализа (газета «FAZ») новая тактика выражается при заполнении слота «исправление ошибок» как «*mehr Kontrollen, mehr Polizei*» / «больше контроля, больше полиции» (что, к слову, совпадает с наполнителями основного материала русского дискурса).

(5) *[...] dass im Konzept „Aufklärung“ ein regressives Element enthalten ist, weil es dazu verleitet, die Menschheit in „Aufgeklärte“ und „Barbaren“ zu unterteilen. [...] Und diese Entgegensetzung von aufgeklärten*

Westlern und barbarischen Südlern durchzieht und verzerrt die gesamte Debatte über den Islam und Migration (taz. 2.08.2016) / [...] что в концепции «просвещение» содержится регрессивный элемент, так как оно ведет к тому, чтобы делить человечество на «просвещенных» и «варваров». [...] И это противопоставление между просвещенными европейцами и варварскими азиатами пронизывает и искажает всю дискуссию об исламе и миграции.

(6) *Armin Laschet [...] sei [...] einer der ersten Politiker gewesen, der sich vor die Gastarbeiter stellte und ihnen für ihre Leistungen zum Aufbau der Bundesrepublik dankte. "Das hat die älteren Menschen berührt, weil es das vorher noch nicht gab. Er gab ihnen das Gefühl, ein Teil Deutschlands zu sein." Mit Laschet [...] habe es in Nordrhein-Westfalen einen Paradigmenwechsel gegeben, weil er Menschen "von der Opferrolle zu Gleichberechtigten erklärt" habe (SZ. 7.05.2016) / Армин Лашет [...] стал [...] одним из первых политиков, который встал перед гастарбайтерами и поблагодарил их за вклад в развитие Федеративной республики. «Это тронуло пожилых людей, потому что это был первый подобный случай. Он внушил им чувство, что они часть Германии». С Лашетом в Северном Рейне – Вестфалии произошла смена парадигмы, так как он «провозгласил людей равными, избавив их от роли жертвы».*

Примечательна разница между русским и немецким медиадискурсами в наполнении слотов «ошибки при совершении действия» и «исправление ошибок». Предполагается, что наполнители данных слотов находятся в зависимости от других наполнителей. Так, в преобладающем числе русских контекстов, в которых реализуются наполнители группы «отменить ограничительные меры, смягчить правила», слоты «вышестоящие связи» и «участники (объекты)» заполняются наполнителями «кризис беженцев в Европе» и «беженцы» (субфрейм «европейская толерантность») или «нелегальные мигранты» (субфрейм «русская толерантность»). В немецком дискурсе такие же наполнители появляются в стратегии осмысления собственной старой схемы толерантности и возможностей ее изменения. При этом последствия ошибок принадлежат в обоих дискурсах тематическим группам «катастрофа», «хаос», «насилие» с той разницей, что в русском дискурсе данные наполнители относятся к объектам (преступления со стороны мигрантов), а в немецком – к субъектам (праворадикальные настроения со стороны местных жителей).

Наполнение слота «исправление ошибок», естественно, зависит от наполнителей предыдущего слота. Отсюда – те же самые различия между двумя дискурсами. Так, наполнители группы «отменить ограничительные меры, смягчить правила» провоцируют появление наполнителей группы «жесткие меры, контроль». Этим же объясняется и появление наполнителей группы «*starker Staat und Polizei*» / «сильное государство и полиция» в немецком дискурсе – многие из них вызваны указанным выше переосмыслением тактики толерантности, например в таком контексте:

(7) *Kreuzberg war mal ein Synonym für Multikulti, Gelassenheit und Toleranz. Vorbei. Die Kriminalität eskaliert, und die Menschen haben Angst. [...] Sie braucht*

nur wenige Minuten bis zu einem Satz, den man von linken Grüneher selten hört: "Die Situation ist dramatisch, das kann nur die Polizei lösen" (SZ. 6.04.2016) / Кройцберг был когда-то синонимом мультикультурализма, дозволенности и толерантности. Все в прошлом. Преступность процветает, и люди боятся. [...] Проходит лишь несколько минут, и она произносит предложение, которое редко услышишь от сторонника левых и зеленых: «Ситуация дошла до предела, может помочь только полиция».

В связи с такими дискурсивными стратегиями интересно отметить следующий момент: в тех случаях, когда в русских медиатекстах реализуется субфрейм «европейская толерантность», он негативно оценивается именно со значением «допущение», с каким в немецком медиадискурсе он также получает негативную коннотацию. Иными словами, при поверхностных противоречивых дискурсивных стратегиях анализ глубинных стратегий снимает некоторые противоречия. Однако переход аспектов значения от «допущения» к «уважению», «признанию как ценности» в русском медиадискурсе, в отличие от немецкого, не может выступать в качестве возможности исправления ошибок при проявлении толерантности и разработки новой тактики. По всей вероятности (если не принимать во внимание контексты официального стиля, где реализуется субфрейм «русская толерантность»), аспекты значения «уважение», «признание как ценности» в русском дискурсе не принадлежат к фрейму «толерантность», а образуют иной фрейм. То есть единственной возможностью исправления ошибок будет отказ от толерантности вовсе (по крайней мере, в случае субфрейма «европейская толерантность»).

Выводы. В данном исследовании показано представление фрейма «толерантность» как структуры, отображаемой и конструируемой в рамках миграционного медиадискурса. Такое понимание позволило описать и проанализировать его элементы, используя совмещенные методы фреймовой и дискурсивной семантики.

На базе исследовательского корпуса медиатекстов методами анализа эксплицитных и квазиэксплицитных предикаций были выявлены конкретные наполнители фрейма и соотнесены с соответствующими слотами. С помощью количественного анализа выявлены слоты с наиболее частотными наполнителями, которые представляются заданными значениями фрейма, конструируемыми дискурсом. Такие заданные значения отличаются от одного национального дискурса к другому.

В результате исследования выявились аспекты значения фрейма «толерантность» и дискурсивные стратегии, связанные с корреляцией между фреймовыми элементами и другими дискурсивными факторами (например, контекстом их употребления). Некоторые из дискурсивных стратегий мы принимаем за основные, присущие не только рассмотренной части миграционного медиадискурса. В ходе выборочного анализа источников иной политической направленности такое положение подтвердилось. Они оказывают влияние на возникновение определенного элемента фрейма в определенном месте. Иными словами, мы считаем маловероятной возможность спонтанного появления фреймового элемента вне действия той или иной дискурсивной стратегии.

Таким образом, проделанное исследование предлагает богатый потенциал для дальнейшей работы. Выбор между возможными направлениями весьма широк: обратиться к диахронической перспективе и проследить изменение значения фрейма «толерантность» в том же дискурсе, но в разные временные промежутки; рассмотреть этот же фрейм в другом виде дискурса на другую тему; исследовать другие фреймы в том же самом дискурсе, чтобы проследить действие выявленных дискурсивных стратегий в связи с ними; поставить в центр исследовательского интереса не дискурс и его механизмы, а адресата, например проанализировать мнения в блогах, комментарии к медиатекстам, провести эксперимент и т.д.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Отметим, что в данной работе мы пользуемся определением пресуппозиций У. Селларса [26]: «Предложение S имеет своей пресуппозицией предложение S' тогда и только тогда, когда *адресант верит*, что истинность S' является условием истинности или ложности S» (к слову, такого же понимания пресуппозиций придерживается и Ж. Деррида [21] в контексте теории речевых актов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубряков Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 4–10.
2. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 37, № 35 (173). С. 142–151.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. 2-е изд. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
5. Карасик В.И. Языковое проявление личности / Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». М. : Гнозис, 2015. 383 с.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс, 2000. 272 с.
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 123 с.
8. Busse D., Hermanns F., Teubert W. Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1994. 298 S.
9. Wrede J. Bedingungen, Prozesse und Effekte der Bedeutungskonstruktion. Universität Duisburg-Essen : Universitätsverlag Rhein-Ruhr OHG, 2013. 358 S.
10. Ziem A. Frames and sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2008. 440 S.
11. Scharloth J., Eugster D., Bubenhoef N. Das Wuchern der Rhizome. Linguistische Diskurs-Analyse und Data-driven Turn // Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven / Dietrich Busse, Wolfgang Teubert (Hg.). Wiesbaden : Springer VS, 2013. S. 345–380.
12. Teubert W. Die Wirklichkeit des Diskurses // Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven / Dietrich Busse, Wolfgang Teubert (Hg.). Wiesbaden : Springer VS, 2013. S. 55–146.

13. Диденко В.В. Особенности актуализации фрейма «толерантность» в русском и американском миграционных медиадискурсах // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 14–23.
14. Ермакова О.П. Толерантность и некоторые особенности русского менталитета // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 124–132.
15. Перцев А.В. Современный миропорядок и философия толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 29–51.
16. Хомяков М.Б. Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 15–29.
17. Forst R. Toleranz, Gerechtigkeit und Vernunft // Toleranz. Philosophische Grundlagen und gesellschaftliche Praxis einer umstrittenen Tugend / R. Forst (Hg.). Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2000. S. 119–143.
18. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2 (65). С. 159–262.
19. Foucault M. Die Ordnung des Diskurses. München : Carl Hanser Buch Verlag, 1974. 94 S.
20. Derrida J. Limited Ink. Evanston, IL : Northwestern University Press, 1988. 160 p.
21. Derrida J. Typewriter Ribbon: Limited Ink (2) // Without Alibi. Stanford, California : Stanford University Press, 2002. P. 71–160.
22. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 366 с.
23. Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998. 310 с.
24. Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 уч. году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб. : Наука, 2010. 448 с.
25. Диденко В.В. Выявление валентных слотов фрейма толерантность (в немецкой, американской и русской лингвокультурах) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 5–13.
26. Sellars W. Presupposing // The Philosophical Review. № 63. P. 197–215.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 февраля 2018 г.

THE FRAME “TOLERANCE” IN RUSSIAN AND GERMAN MIGRATION MEDIA DISCOURSE: FRAME AND DISCOURSE ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/429/1

Veronika V. Didenko, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: verdi.fefu@gmail.com

Keywords: frame; discourse analysis; frame semantics; discourse semantics; tolerance; frame analysis.

This research is based on the methodological and theoretical tenets of both frame and discourse semantics. The aim is to reveal and to analyze the frame elements of the frame “tolerance” in Russian and German migration media discourse. The analysis of the frame standard values provides an access to the main discourse strategies of the discourses under study. Moreover, the combination of frame and discourse analysis allows revealing the aspects of the frame meaning and their connotation that can bring fruitful results for further research. The material used in this research consists of the so-called “virtual open text corpus”. It includes 65 articles from the Russian newspapers (*Argumenty i Fakty*, *Moskovskiy Komsomolets*, and *Rossiyskaya Gazeta*) and 75 articles from the German newspapers (*die tageszeitung* and *Die Süddeutsche Zeitung*) of the 10 months of 2016. The frame “tolerance” is presented in this study as the structure of the frame elements constructed in media discourse. The frame elements are divided into three groups: slots, concrete fillers and standard values. For the purposes of this research, a matrix frame structure consisting of 14 slots is used. Through the analysis of explicit and implicit predications, concrete fillers are revealed. The quantitative analysis of the latter gives access to the frame standard values and, therefore, to the discourse strategies. The main results of the research concern the aspects of the frame meaning, their connotations and the discourse strategies. The study has proved that the aspects of the frame meaning (“allowance”, “acceptance”, “respect”, “acceptance (of the other) as a value”) depend on several factors, such as the style of a media text, other frame elements (concrete fillers or standard values), or particular discourse strategies. It has come out that the latter are different in Russian and in German media discourses. The main discourse strategy in the Russian discourse can be explicit as “the wrong tolerance tactic of the Europeans and the right tactic of Russia”. That is why two subframes in the Russian discourse – “Russian tolerance” and “European tolerance” – are distinguished. Whereas the main discourse strategy of German media discourse concerns their own tolerance tactic: “our (previous or traditional) tolerance tactic is wrong, that is why we need a new one”. The ways of working out such a new tactic differ from one newspaper to another. Analyzing the research results, the author claims that no frame element can appear without the framework of a particular discourse strategy, whereas the latter can belong either to both media discourse and some overlying discourse or only to a specific part of discourse that has been under the study.

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (2001) O kognitivnoy lingvistike i semantike termina “kognitivnyy” [On cognitive linguistics and semantics of the term “cognitive”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 4–10.
2. Khomutova, T.N. (2009) Nauchnye paradigmy v lingvistike [Research paradigms in linguistics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvedenie*. 37:35 (173). pp. 142–151.
3. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
4. Karasik, V.I. (2004) *Yazykovyy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 2nd ed. Moscow: Gnozis.
5. Karasik, V.I. (2015) Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Language manifestation of personality]. In: *Nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya “Aksiologicheskaya lingvistika”* [Research laboratory “Axiological Linguistics”]. Moscow: Gnozis.
6. Maslova, V.A. (2000) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk: TetraSistems.
7. Boldyrev, N.N. (2001) *Kognitivnaya semantika. Kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics. Course of lectures on English philology]. Tambov: Tambov State University.
8. Busse, D., Hermanns, Fund & Teubert, W. (1994) *Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik* [Conceptual history and discourse history. Methodological questions and research results of historical semantics]. Opladen: Westdeutscher Verlag.
9. Wrede, J. (2013) *Bedingungen, Prozesse und Effekte der Bedeutungskonstruktion* [Conditions, processes and effects of meaning construction]. Universität Duisburg-Essen: Universitätsverlag Rhein-Ruhr OHG.

10. Ziem, A. (2008) *Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz* [Frames and linguistic knowledge. Cognitive aspects of semantic competence]. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
11. Scharloth, J., Eugster, D. & Bubenhoef, N. (2013) Das Wuchern der Rhizome. Linguistische Diskurs-Analyse und Data-driven Turn [The proliferating rhizomes. Linguistic Discourse Analysis and Data-Driven Turn]. In: Busse, D. & Teubert, W. (eds) *Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven* [Linguistic discourse analysis: new perspectives]. Wiesbaden: Springer VS.
12. Teubert, W. (2013) Die Wirklichkeit des Diskurses [The Reality of Discourse]. In: Busse, D. & Teubert, W. (eds) *Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven* [Linguistic discourse analysis: new perspectives]. Wiesbaden: Springer VS.
13. Didenko, V.V. (2017) Actualizations of the frame of tolerance in Russian and American migration media discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 14–23. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/2
14. Ermakova, O.P. (2005) Tolerantnost' i nekotorye osobennosti russkogo mentaliteta [Tolerance and some features of the Russian mentality]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.
15. Pertsev, A.V. (2005) Sovremennyy miroporyadok i filosofiya tolerantnosti [The Modern World Order and the Philosophy of Tolerance]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.
16. Khomyakov, M.B. (2005) Tolerantnost' i ee granitsy: razmyshleniya po povodu sovremennoy anglo-amerikanskoy teorii [Tolerance and Its Boundaries: Reflections on the Modern Anglo-American Theory]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.
17. Forst, R. (2000) Toleranz, Gerechtigkeit und Vernunft [Tolerance, Justice and Reason]. In: (ed.) *Toleranz. Philosophische Grundlagen und gesellschaftliche Praxis einer umstrittenen Tugend* [Tolerance. Philosophical Foundations and Social Practice of a Controversial Virtue]. Frankfurt; New York: Campus Verlag.
18. Foucault, M. (2008) Diskurs i istina [Discourse and Truth]. Translated from French. *Logos*. 2 (65). pp. 159–262.
19. Foucault, M. (1974) *Die Ordnung des Diskurses* [The Order of Discourses]. Translated from French. Munich: Carl Hanser Buch Verlag.
20. Derrida, J. (1988) *Limited Ink*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
21. Derrida, J. (2002) *Without Alibi*. Stanford, California: Stanford University Press. pp. 71–160.
22. Foucault, M. (1977) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Translated from French. Moscow: Progress.
23. Foucault, M. (1998) *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic]. Translated from French. Moscow: Smysl.
24. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki: kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uch. godu* [The Birth of Biopolitics: a course of lectures given at the Collège de France in 1978–1979 academic year]. Translated from French by A.V. D'yakov. St. Petersburg: Nauka.
25. Didenko, V.V. (2017) Revealing of potential slots of the frame tolerance (in German, American and Russian linguocultures). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 414. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/414/1
26. Sellars, W. (1954) Presupposing. *The Philosophical Review*. 63. pp. 197–215.

Received: 02 February 2018